

«Искателях» (1928) — Л. овладел искомой формой, однако сами эти произведения не стали для писателя большим творческим достижением.

Будучи весьма плодовитым, Л. создавал по несколько произведений в год. В 1923 вышло 5 его книг, в 1925 и 1926 — по 4, в 1927 — 3 книги. Выпущенное в 1928–30 6-томное СС Л. получило признание критики и вызвало интерес читателей.

С начала 1930-х Л. стал корреспондентом газет; из газетных материалов сложились книги очерков «Путина» (1930), «О Дальнем Востоке» (1931). Беллетристические произведения этих лет, как и в начале 1920-х, имели нетрадиционное построение. В повести «Могила неизвестного солдата» (1930–31) сюжетные линии почти не пересекаются, а в романе «Великий или Тихий» (1932) сквозные сюжеты, как и сквозные герои, вообще отсутствуют. Эти характерные для Л. особенности придавали его творчеству определенное худож. своеобразие.

С середины 1930-х Л. одну за другой выпускал книги «Сын» (1936), «Большая река» (1937), «Изгнание» (1947), «Две жизни» (1950), профессионально написанные, но не вызывающие особого интереса у читателей. Такая же судьба была и у сб. рассказов «Ночные поезда» (1959), «Дорога журавлей» (1962), «Шум дождя» (1963).

Второе дыхание, свое место в лит-ре и своего читателя Л. нашел в книгах «Люди и встречи» (1957) (воспоминания о мн. писателях, художниках, артистах) и «Друзья мои — книги» (1962) (увлекательные эссе мемуарного характера), выдержавших несколько изд.

Соч.: СС: в 6 т. М.; Л., 1928–30; СС: в 3 т. М., 1973–74; Рассказы, повести, воспоминания. М., 1954; Повести и рассказы. Избранное. М., 1958; О писательском деле. М., 1963; Сердца моего тень. М., 1965.

Лит.: Лежнев А. В. Лидин // Лежнев А. Лит. будни. М., 1929. С. 273–280; Федосеев Г. Творчество Владимира Лидина // Новый мир. 1936. № 10. С. 192–206; Левин Ф. [Послесл.] // Лидин В. Повести и рассказы. М., 1963; Монастырская Н. Творчество Владимира Лидина 20–30-х годов: Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1984.

В. В. Попов

ЛИМОНОВ Эдуард (настоящее имя Эдуард Вениаминович Савенко) [22.11.1943, г. Дзержинск] — прозаик, публицист.

Из семьи военнослужащего войск НКВД. Детство и юность связаны с Харьковом;

Э. Лимонов

с 1967 жил в Москве; в 1974 эмигрировал в США, в 1983 — переехал во Францию; в 1991 возвратился в Россию; с апр. 2001 до июля 2003 находился в заключении в Лефортовской тюрьме. Л. мотивировал «бегство» поиском «творческой свободы, то есть возможности печатать здесь свои ненужные, нужные только там, в России, произведения». Лит. учеба и первые шаги творчества связаны с Лит. ин-том и поэтической студией Арс. Тарковского; Л. присоединился к группе «СМОГ» (Самое Молодое Общество Гениев) и «выпустил» в самиздате книги стихов («Русское», «Мой отрицательный герой» — опубликовано в России в 2003). Широко известный в лит. и читательских кругах Соединенных Штатов и Европы, Л. начал печататься в России с 1991; за 14 лет здесь опубликовано 16 его романов: автобиографическая трилогия — о жизни до творчества; «Эдичка» и 12 др. (в т. ч. «Анатомия Героя», «Дисциплинарный санаторий», «Иностранец в смутное время», «Книга воды», «Убийство часового», «Угрошение тигра в Париже», «По тюрьмам»), где «правда» соседствует с неомифологическим «вымыслом», утопия с антиутопией, а все вместе они составили «одиссею» «Эдички», в дальнейшем обретшего немало иных имен. Вышли в свет 4 сб. рассказов («Американские каникулы», «Великая мать любви», «В плену у мертвецов», «Девочка-зверь»), 4 книги публицистических эссе («Исчезновение варваров», «Другая

Россия», «Контрольный выстрел», «Русское психо»), книга об умерших спутниках жизни, 2 политических книги — **«Лимонов против Жириновского», «Охота на Быкова»**, очерк **«Моя политическая биография»**.

Путь Л., по его словам, подчинен «зову судьбы»: она могла сделать его и мореплавателем, и историком, и естествоиспытателем. Но, получив «удар» лит-ры (Блок, Есенин, Хлебников), Л. стал ее подвижником и «современным героем». «Во времена мушкетеров он добывал бы подвески королеве, в революцию он был бы комиссаром. Он мог быть миллионером, генералом, президентом». Однако в Харькове и Москве середины века «только статус божьего поэта давал герою надежду завоевать мир» (Вайль П., Генис А.— С. 84.). Главное амплу Л.— «солдат на посту пишущей машинки, смело разоблачающий им же сделанную биографическую легенду Лимонова о <Лимонове>». (Гольдштейн А.— С. 347).

В творчестве Л. возвышаются 4 опорные точки. Первая — роман **«Это я — Эдичка»**: в нем полно выразился художник эпатирующего, взрывного, скандального, агрессивного «грязного реализма». На др. полюсе вторая точка — повесть **«У нас была Великая эпоха»**: «ёрничая и дурачась, Л. показал действительное величие трагической эпохи», где в сердцевине повседневной мифологии находится основной миф «о генералиссимусе, которого полагалось благодарить за счастливое детство маленькому герою с его «большими трудностями и бедствиями». Повесть-воспоминание дезавуировала «тотальный гипноз», вызывала «недоверие к мифам Эпохи», помогала «обрести смелость смотреть правде в глаза», сохраняя «любовь, снисхождение к заблуждениям и ошибкам старших...» (Пронин Вл.— С. 54–55). Для раскрытия и разоблачения мифов новейшего времени (третья точка) Л. предпринимает «журналистское расследование» «Охота на Быкова». А череде прошедших мифов из жизни российских «героев» посвящена **«Книга мертвых»** (4-я точка).

Творчество Л. на карте лит-ры специалисты определяют в терминах «андеграунд», «постмодернизм», «рок» («писатель городского чрева»), маргинальная культура, вивризм и др. Общее отношение к Л. сформулировал Сергей Довлатов: «Лимонов — талантливый человек, современный русский нигилист. Эдичка Лимонов — прямой базаровский отпрыск». Его «все ругают» и «все читают»: «талант — большое дело» (Неизвестный Довлатов. СПб., 1995. С. 238).

Л., по его признаниям и самохарактеристикам, принадлежит к разряду ницшевистов, парадоксально сочетающих в себе безудержный индивидуализм с бескрайним эстетизмом. Он испытывает «нелюбовь к уродливым, бесполезным и бездарным людям»: они «оскорбляют в нем чувство эстетизма» (**«Обыкновенная драка»**). Его «существование всегда отличалось судорожным экстремизмом», как у людей, «которые вдруг меняют жизнь в борделе на жизнь монастырскую» («Великая мать любви»). Все эти качества он называет «любовью к безумию»: «я культивирую не логику, а наслаждение. Мои болезненные ощущения доставляют мне удовольствие...» (**«Дневник неудачника»**). Разумеется, между писателем Л. и его персонажами нет знака равенства, но за головокружительными экспериментами «эдикет» стоит определенная философия их создателя. «Несмотря на сводящий скулы национал-большевизм, хлестаковское упоение собственной значительностью, Лимонов остается литератором до мозга костей. Он создает миф из собственной жизни, он литературен и написан как единый, авантюрный роман» (Латынина А. // Лит. газ. 2000. № 41. С. 10).

«Постмодерность» Л. Проявляется в соиздании «своего» несгораемого-переменчивого образа. Его персонажи меняют маски, «а он сам, их отец и создатель, располагается где-то поверх, на недоступном для них метауровне». Он «выступает... в ореоле кристаллизовавшегося биографического предания...»; «Лимонов владеет редчайшим искусством трансформации бытового сора и пепла, гигантских стоячих мусорных куч банально пережитого — в динамическую словесность, да так, что мнится, будто автор параллельно литературе реализовал удивительно захватывающую, авантюрную и глубокую жизнь» (Гольдштейн А.— С. 342).

Встреченный большинством критиков в штыки, Л. был вынужден предложить автоинтерпретацию своего текста. Л. называет себя творцом совр. романа, который «необходимо безжалостен, революционен, безумен, пошл и вульгарен. Так же как революционны, пошлы и вульгарны книги Жана Жанэ, Хуберта Селби, Генри Миллера, Пазолини, Чарльза Буковского, Вильяма Берроуза... Критик Джон Оке именно и поместил меня в компанию вышеназванных писателей. <...> Чем я и горжусь. Мои книги живые... К такой литературе близок был уже Максим Горький, в этом направлении развивались Леонид Андреев, Замятин, Пильняк, Платонов, Шолохов. Они шли... ко все большей жестокости

и искренности...» («**Нечистый Лимонов и его „чистые критики“**»). Заглавие «Это я — Эдичка» апеллирует к заглавию книги Роквелла Кента «Это я, Господи». В нем «звучит уверенность и гордость, сила человека, крепко стоящего на земле и чувствующего свою равноценность Богу». «Это я — Эдичка» произносится шепотом, и нет ответа ни от Господа, ни от людей. И тогда душа «Эдика» «пытается ощутить себя через свое тело», «... это путь эротической актуализации своей личности»: «странная экзистенциальная ситуация» (Донде А.— С. 294, 298). В то же время «Эдичка» и все др. романы Л. о любви — это «романы о ревности», а мотив измены — символ «недостижимостей, сублимировавшийся в сексуальную культуру» (Вайль П., Генис А.— С. 86).

Плотный подтекст в романе образует интертекстуальный уровень. Внутреннее движение сюжета определяется взаимодействием между мифологией самой жизни и традиционными мифами и легендами древности, неомифологией русской и мировой лит-ры. Среди мифов о жизни передний план занимают 3 главных: миф о Герое, миф о Городе и миф о Любви. Каждый из них окружен кольцом лит. контекстов. Дополнительные жанровые определения почти все связаны с мифом о Герое. Эдичка называет роман «путевым дневником», своей «одиссеей». Фабула сосредоточена на поисках приключений, цель которых — узнать Город, найти себя и пережить Любовь. Портрет героя составлен из пороков его поколения и являет собой пример безнравственного человека своего времени. Писатель придерживается «скандальной стилистики».

Соответственно канону жанра путевого дневника выстраивается контекст путешествующих: Одиссей (Гомер), Печорин (Лермонтов), «босьяк» (М. Горький). Следующий жанровый эпитет — «воплъ, плач» одинокого, покинутого, «отщепенца, выпавшего... из семьи... из Старой Родины... из Новой Родины...». В этом случае в подтексте романа мерцает образ героя «Записок из подполья» Ф. Достоевского. Самохарактеристика подпольного человека у Достоевского и «подонка» Эдички совпадают: они злобны, агрессивны, эгоистичны «от слабости», оба «наговаривают» на себя и наслаждаются своим отчаянием. Лит. контекст ведет далее к трагической фигуре Григория Мелехова, к героям-эмигрантам Э. Хемингуэя, Э. М. Ремарка, Г. Миллера, Г. Газданова...

Жанр романа «Это я — Эдичка» может быть определен и как «воспоминание-испо-

ведь» о том, как Эдичка «жил» каждую «главу своей судьбы» на улицах Нью-Йорка.

Так возникли миф о Городе и миф о Любви. В обоих звучат гимны и проклятия. Гимн Городу — совр. модели Вселенной и гимн высокой Любви — братству единоверцев. Проклятия — цивилизации и ее деспотическим Системам, где человеку улицы «нет места» и где интимная любовь поругана и отнята. Оба мифа ориентированы на язычество и христианство. «Она» прекрасная Елена, грешная Мария Магдалина и неисправимая Настасья Филипповна. «Он» — Эдичка, Раскольников, Ставрогин, новый Христос. После «распятия», воскресая, он приходит к апологии Силы, Державы, Нации, др. идолам «революции». В положительной программе романа смешаны христианские заповеди с коммунистическими проповедями, идеи любви-свободы и любви-насилия, национальных единений и националистических предпочтений. «Несчастный, сгусток русского духа», великий комбинатор любви, Эдичка в итоге приходит к «русской идее» — любви. Она служит источником и сублимацией творчества, ей следует «без остатка» отдать себя, стать Мессией, новым Христом, предназначенным снять со всех людей улицы, женщин и мужчин, проклятие нелюбви.

«Это я — Эдичка» — роман утопия и антиутопия; он занимает место эпицентра в романной эпопее писателя и во всем его творчестве.

Автобиографическая трилогия Л. «У нас была Великая эпоха», «**Подросток Савенко**», «**Молодой негодяй**» создавалась в русле известного в мировой классике жанра романа воспитания, открытого гётевским «Вертером», завершенным горьковскими «Моими университетами». Герой трилогии Эдуард Савенко проходит законоположенный путь «от неопределенности детства через завоевание права на личность к всеобщему признанию» (Вайль П., Генис А.— С. 81.), не утрачивая авангардистской жесткости и жестокости «Эдички». Со временем меняющийся имена и маски «Лимонов» мужает и преодолевает свои амплуа «скандалиста, эпатера, маргинала» (Соловьев Вл.— С. 15.), но остается верен поискам скрытой сути и подлинной цены окружающего мира. Так, «Книга воды» «перерастает в агиографическую притчу о взрослении Нарцисса. Помудревший и постаревший, он уже не отвергается, а благодарно принимается всеми землями, всеми водами» (Голынкин-Вольфсон Дм.— С. 313).

Это особенно относится к 16-й части романной эпопеи — «По тюрьмам». По жанру

это роман-исследование о человеке в котле современности и в потоке истории. Помудревший «Эдичка» ощутил свою «природную принадлежность» к российским эзкам: он «брат их, мужичок в пугачевском тулупе». Внутренний диалог с классикой — с «Записками из Мертвого дома» и «Архипелагом ГУ-ЛАГом» — способствует восприятию книги как исторического романа, выявляющего специфику художественного, по преимуществу трагического, содержания совр. этапа российской истории и судьбы русского народа. Исток бед России, по Лимонову, в том, что власть в совр. государстве не имеет высшего статуса, дающего ей право судить людей (его имели Монарх и Бог).

Этапной на творческом пути Л. стала «Книга мертвых». Она узнаваемо примыкает к «Некрополю» Вл. Ходасевича, «Живым лицам» З. Гиппиус и «Петербургским зимам» Г. Иванова: резкая правдивость, умение запечатлеть самое характерное предполагали возможность возмущений и опровержений, а также и неиссякающий интерес.

Внимание читателей привлекло «журналистское расследование» о «красноярских джунглях» «Охота на Быкова» — «редкой силы таланта, объективности и сдержанности» (Работнов Ник.— С. 212).

Политическая деятельность Л., создание им национал-большевистской партии находится в русле постмодернистской творческой и поведенческой игровой стихии. Главным в политической работе Л. считает создание Мифа. В нем взамен идеи «патриархального патриотизма» предложена идея «авангардного (или красного) национализма».

Пишущие о Л. подчеркивают в его личности и творчестве наличие игрового начала: «Лимонов — это вечный ребенок, недоигравший в детстве... Его „фашизм“ — имитация. Его уродливый инфантилизм разрушителен. Наш герой готов превратить всю страну, весь мир в свою игровую территорию» (Шевченко Л.— С. 224). Л. Латынина приводит известные слова Л.: «Я не писатель. Я репортер моей жизни... Коллеги... занимают примитивная старая игра в слова. Я играю в жизнь». Латынина добавляет: «игра обошлась недешево: полтора года пребывания в Лефортово» (С. 163). Г. Владимов подчеркивает системность игры Л.: игровое все: внешний вид (солдатская шинель, дорогие очки, модные брюки), демонстративное появление на войнах Приднестровья, Абхазии, Югославии, игра в политические партии.

Творчество Л. представляет феномен постмодернистского худож. мышления

и поэтического языка. Парадигма постмодернизма Л. содержит в своем составе тотальный бунт, негативизм, волю к разрушению, ломку и уничтожение «всего». В качестве неперемногого сопровождения деструкции сопутствует эпатажная техника: ненормативная лексика («уличная языковая стихия»), сексуальный антураж, эмоциональные атаки («вопли», «бреды»). Мышление и язык творчества Л. устремлены к одной цели: к преодолению экзистенциального одиночества любыми средствами. В романе «По тюрьмам» приоткрылся путь преодоления: выход из своего бунтующего и замкнутого «я» в мир соотечественников, в размышления над исторической судьбой родины, непростыми социально-политическими и социально-психологическими коллизиями современности.

Л. переведен почти на все европейские яз.

Соч.: СС: в 3 т. М. 1998. Т. 1: У нас была Великая Эпоха. Подросток Савенко. Молодой негодяй; Т. 2: Это я — Эдичка. Дневник неудачника. История его слуги; Т. 3: Палач. Смерть современных героев. 316, пункт «В»; The absolute beginner, или Правдивая история сочинения «Это я — Эдичка» // Лимонов Э. Это я — Эдичка. М., 1991. С. 323–332; Исчезновение варваров: статьи, эссе. М., 1992; Американские каникулы: рассказы / Американские каникулы. Обыкновенные инциденты. М., 1999; Книга мертвых. СПб., 2001; Великая мать любви: рассказы. СПб., 2002; По тюрьмам. М., 2004.

Лит.: Бронская Л. И. Эдуард Лимонов как зеркало русского постмодернизма // Русский постмодернизм: Предварительные итоги. Ставрополь. 1998. С. 146–153; Вайль П., Генис А. В Москву! В Москву! // Искусство кино. 1992. № 7. С. 80–86; Владимов Г. Н. По ком не звонит колокол // Русская мысль. Париж. 1993. 16–22 апр. С. 13; Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом. М., 1997. С. 328–348; Голынкин-Вольфсон Дм. Черт с младенцем, или Взросление Нарцисса // Новое лит. обозрение. 2002. № 56. С. 310–316; Донде А. Эдуард Эдик и Эдичка // Глагол. 1993. № 16. С. 289–305; Донецкий А. Н. Апология Лимонова: К вопросу о поэтике маргинального текста // Третьи Майминские чтения. Псков, 2000. С. 222–226; Жолковский А. К. Блуждающие сны и др. работы. М.: Наука, 1994. С. 54–68; 225–245; Латынина А. Я играю в жизнь // Новый мир. 2003. № 4. С. 157–163; Match Olga. The moral Immoralist Edvard Limonov's «Eto ja — Edichka» // Slavik and East European Journal. 1986. № 30(4). P. 526–540; Работнов Ник. Колдун Ерофей и переросток Савенко // Знамя. 2002. № 1. С. 203–212; Соловьев Вл. В защиту немолодого подростка. Казус Лимонова // Лит. газ. 2003. № 11. С. 15; Шаталов А. Н. Русский поэт и Америка // Это я — Эдичка. М., 1992. С. 311; Шевченко Л. Одиссей взрывает Итаку // Знамя. 2000. № 2. С. 221–224.

С. А. Иезуитов